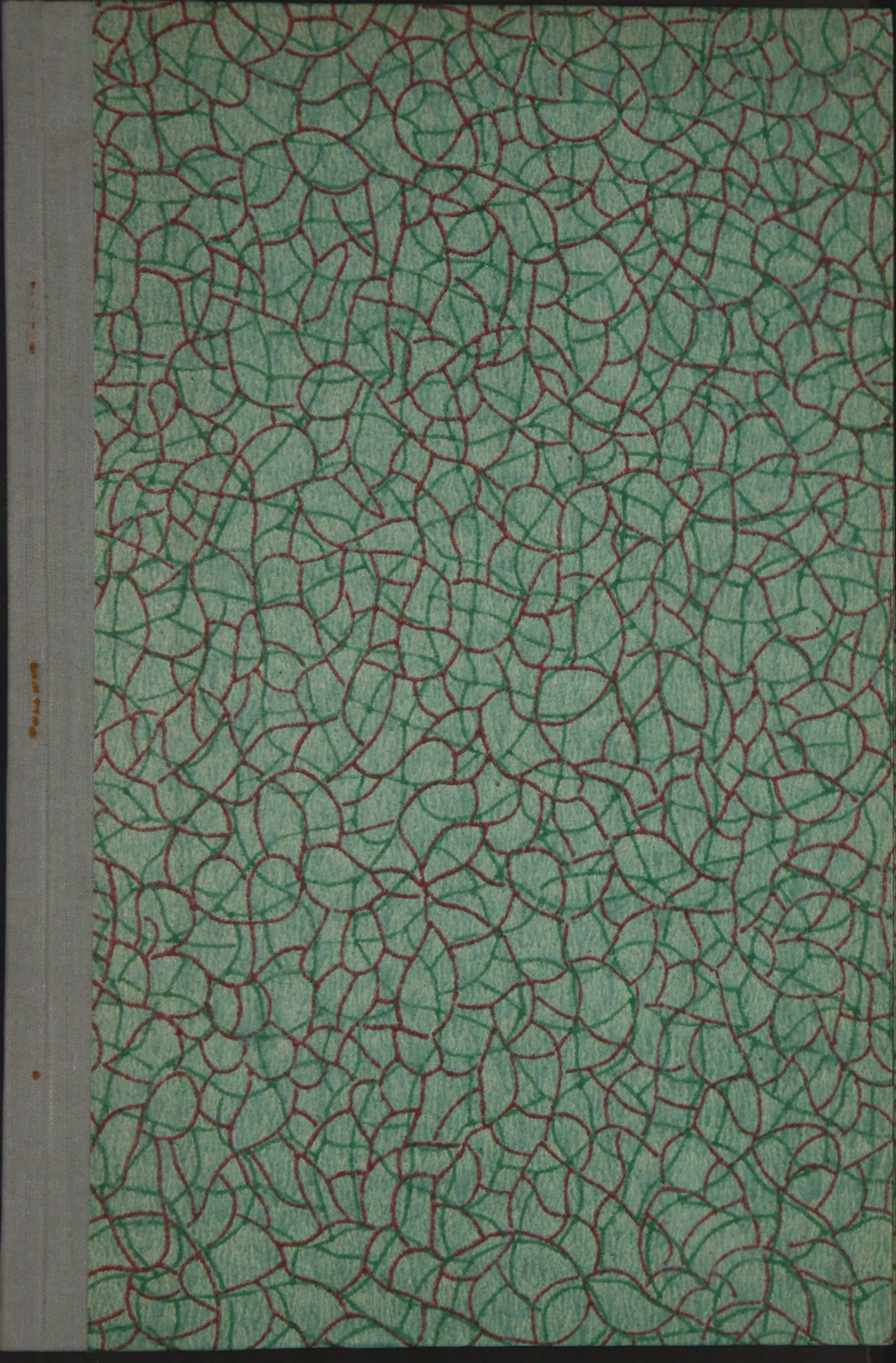

31448

Київск. Универ. Извѣстія
1914. № 1.

86946

Мѣстные обычаи въ наслѣдованіи у крестьянъ.

Докладъ, читанный въ засѣданіи Кіевского Юридическаго Общества 15 Декабря 1912 года членомъ этого Общества М. И. Дугановымъ.

Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ настоящее время приступлено къ разработкѣ вопросовъ о порядкѣ наслѣдованія въ земляхъ, состоящихъ въ личной собственности крестьянъ.

Вслѣдствіе этого и въ видахъ болѣе правильнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ Министерство препроводило списокъ намѣченныхъ имъ вопросовъ на обсужденіе мѣстныхъ дѣятелей и учреждений.

На первомъ планѣ стоятъ общіе вопросы, и среди нихъ главное мѣсто занимаетъ вопросъ о примѣненіи мѣстныхъ обычаевъ въ порядкѣ наслѣдованія въ надѣльныхъ земляхъ.

Вопросы общіе формулированы Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ такимъ образомъ:

1) Долженъ ли порядокъ наслѣдованія въ надѣльныхъ земляхъ опредѣляться мѣстными обычаями, или же это наслѣдованіе должно быть подчинено дѣйствію положительнаго закона, съ совершеннымъ исключеніемъ мѣстныхъ обычаевъ. Если же примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ можетъ быть допущено въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то въ какихъ именно; и

2) Если порядокъ наслѣдованія въ надѣльныхъ земляхъ долженъ опредѣляться преимущественно или исключительно закономъ, то слѣдуетъ ли распространить на надѣльныя земли общіе гражданскіе законы (т. X, ч. I) или нужно установить въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, вызываемыя особенностями мелкаго землевладѣнія.

Въ К—скомъ Губернскомъ Совѣщаніи, происходившемъ 30 октября 1912 года, на эти вопросы даны отвѣты такого содержанія:

1) Наслѣдованіе въ надѣльныхъ земляхъ должно быть подчинено дѣйствію положительнаго закона, съ совершеннымъ исключеніемъ мѣстныхъ обычаевъ, и

2) На порядокъ наслѣдованія слѣдуетъ распространить дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ, установивъ измѣненія, вызываемыя особенностями крестьянскаго быта и характеромъ мелкаго землевладѣнія.

Такое разрѣшеніе поставленныхъ вопросовъ едва ли можетъ быть признано правильнымъ.

Въ настоящей статьѣ мы попытаемся освѣтить затронутые вопросы, въ цѣляхъ болѣе правильнаго ихъ рѣшенія попытаемся подойти къ выясненію принциповъ, которые должны быть положены въ основаніе правилъ о порядкѣ наслѣдованія въ крестьянскихъ земляхъ.

I.

Приступая къ разрѣшенію вопроса о томъ, въ какомъ порядкѣ—по закону или по обычаю, должно происходить наслѣдованіе въ крестьянскихъ земляхъ, необходимо прежде всего остановиться на вопросѣ о томъ, существуютъ ли въ крестьянской средѣ такіе юридическіе обычаи, которые могли бы регулировать наслѣдственнымъ имуществомъ отношенія крестьянъ.

Изъ юридической литературы намъ извѣстно отрицательное отношеніе нѣкоторыхъ юристовъ къ мѣстнымъ обычаямъ, ставящихъ подъ сомнѣніе самый фактъ существованія такихъ обычаевъ.

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, оно стоитъ въ противорѣчій съ дѣйствительностью: въ судахъ, при разсмотрѣніи крестьянскихъ дѣлъ, ежедневно приходится слышать ссылки тяжущихся на тотъ или иной обычай.

Такой компетентный цивилистъ, какъ А. Боровиковскій въ своей статьѣ „Дѣла мужичьи“, признавая всю трудность, при нынѣшнихъ формахъ процесса, констатировать наличность обычая, указываетъ нѣкоторые обычаи, подмѣченные имъ изъ практики по крестьянскимъ дѣламъ.

Правительствующій Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ также признаетъ существованіе мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ.

Мы знаемъ, что существуетъ не мало сборниковъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, составленныхъ юристами-этнографами.

Наконецъ, намъ извѣстно ученіе авторитетнаго изслѣдователя обычнаго права Пухты, который находилъ, что народное „юридическое воззрѣніе, проявляющееся въ обычай, есть нѣчто готовое, связанное съ понятіями народа, нѣчто данное народу, какъ языкъ, и составляетъ нѣчто неотъемлемое отъ его національнаго духа“.

Въ условіяхъ жизни нашего крестьянства при томъ же были особыя причины, которыя, несомнѣнно, должны были способствовать развитію обычнаго права въ сферѣ семейно-наслѣдственно-имущественныхъ отношеній крестьянъ.

Какъ извѣстно, составители Положенія 19 февраля 1861 г., озабоченные скорѣйшимъ проведеніемъ въ жизнь великой крестьянской реформы, не могли остановиться на рѣшеніи сложной задачи—выработки формъ положительнаго закона, коему подчинена была бы гражданско-правовая жизнь крестьянъ.

По положенію 1861 года постановлено было, что въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянъ, при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями и правилами, принятыми въ крестьянскомъ быту (13, 135 и 170 ст. Общ. Пол. изд. 1902 г.).

116 ст. Полож. о выкупѣ говоритъ о томъ, что участки, пріобрѣтенные отдѣльными домохозяевами, переходятъ по наслѣдству, согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ.

66 ст. книги IV прил. къ т. IX мѣст. Малорос. Пол., говоря о подворномъ владѣніи, гласитъ: „порядокъ наслѣдованія семейными участками и порядокъ семейныхъ раздѣловъ опредѣляется мѣстными обычаями“.

И другія мѣстныя положенія тоже говорятъ о наслѣдованіи надѣльными землями, на основаніи обычаевъ.

Въ соотвѣтствіи этимъ требованіямъ закона Прав. Сенатъ во многихъ рѣшеніяхъ разъяснилъ необходимость руководствоваться мѣстными обычаями по крестьянскимъ дѣламъ и въ общихъ судахъ, хотя бы наслѣдственное имущество было и внѣ-надѣльное, въ случаѣ ссылки сторонъ на мѣстный обычай (91 г. № 86, 96 г. № 116 и друг. и Общ. Собр. 98 г. № 2).

Такимъ образомъ наслѣдственные и имущественныя отношенія крестьянъ не были подчинены дѣйствию положительнаго закона,

имъ представлено было въ этой сферѣ руководствоваться мѣстными обычаями.

Такія условія правового положенія крестьянъ въ теченіи послѣдняго полустолѣтія не могло не послужить могучимъ толчкомъ къ выработкѣ нормъ обычнаго права и, слѣдовательно, невозможно отрицать существованіе въ нашей крестьянской средѣ мѣстныхъ обычаевъ.

Они являются неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, въ которыя было поставлено крестьянское населеніе послѣ реформы 1861 года.

II.

Откуда-же и почему могло родиться сомнѣніе, какъ въ существованіи, такъ и въ пригодности примѣненія мѣстныхъ обычаевъ въ порядкѣ наслѣдованія у крестьянъ?

Дѣло въ томъ, что нашъ законъ, разрѣшая судамъ руководствоваться въ извѣстныхъ случаяхъ мѣстными обычаями, нигдѣ не говоритъ о томъ, что такое обычай, какъ онъ познается, и какъ можетъ быть установлено его существованіе.

Отсюда происходятъ такія явленія: въ волостныхъ судахъ, гдѣ судятъ мѣстные волостные судьи, вышедшіе изъ той же крестьянской среды, легко справляются съ задачей примѣненія обычаевъ, ибо названные судьи знаютъ свои мѣстные обычаи, знакомы съ мѣстными юридическими воззрѣніями.

Но, къ сожалѣнію, въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, которыя вообще мотивируются слабо, мы рѣдко находимъ точно сформулированныя нормы обычнаго права.

Иное дѣло въ мировыхъ и общихъ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ судятъ назначаемые отъ правительства коронные судьи, незнакомые съ мѣстными обычаями и не находящіе въ законѣ указаній къ распознаванію этихъ обычаевъ.

На помощь имъ приходитъ Прав. Сенатъ и разъясняетъ, что доказательствами существующаго обычая могутъ служить: приговоры сельскихъ сходовъ, удостовѣренія должностныхъ лицъ, на основаніи имѣющихся у нихъ въ производствѣ дѣлъ, а также свидѣтельскія показанія (рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сен. 1891 г. № 86, 1896 г. № 116, и друг.).

Но указанные Прав. Сенатомъ пути къ распознанію мѣстныхъ обычаевъ на практикѣ оказались не достаточными и несовершенными.

Добываніе приговоровъ сельскихъ сходовъ и удостовѣреній должностныхъ лицъ сопряжено для тяжущихся съ большими трудностями и на практикѣ эти способы доказыванія мѣстныхъ обычаевъ рѣдко примѣняются сторонами.

Чаще тяжущіеся въ доказательство существованія обычая ссылаются на свидѣтелей, и судъ, удовлетворяя ихъ просьбу, допускаетъ къ допросу свидѣтелей обѣихъ сторонъ, при чемъ, каждая сторона, естественно, стремится указать лицъ, наиболѣе доброжелательно относящихся къ ней.

Показанія допрошенныхъ свидѣтелей, обыкновенно, стоятъ въ непримиримомъ между собою противорѣчіи, и въ тоже время показанія свидѣтелей въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяютъ элементарнымъ требованіямъ 411 ст. У. Гр. С. о ясности, полнотѣ и вѣроятности показанія. При такихъ условіяхъ Судъ лишенъ возможности признать доказаннымъ существованіе того или иного обычая.

Отсюда—впечатлѣніе „неопредѣленности и неустойчивости“ мѣстныхъ обычаевъ и даже сомнѣніе въ самомъ фактѣ существованія ихъ.

Да, мы не знаемъ мѣстныхъ обычаевъ, но отсюда далеко до вывода, что ихъ нѣтъ.

Нельзя отрицать существованія у нашихъ крестьянъ мѣстныхъ обычаевъ; судебная практика указываетъ лишь на то, что примѣняемые нынѣ способы констатированія мѣстныхъ обычаевъ не пригодны.

Какой же способъ можетъ быть признанъ болѣе цѣлесообразнымъ? Этотъ способъ—дознаніе чрезъ оковыхъ людей, мѣстныхъ старожилловъ. На него указывалъ еще въ 1891 году А. Боровиковскій въ своемъ трудѣ: „Отчетъ судьи“. И нынѣ эта правильная мысль нашла себѣ одобреніе въ новомъ законѣ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго Суда, не приведеннаго, впрочемъ, пока въ дѣйствіе.

Этимъ закономъ расширено примѣненіе 412 ст. Уст. Гр. Суда, имъ допущено производство дознанія черезъ оковыхъ людей не только при спорахъ о владѣніи недвижимымъ имуществомъ, но

также и въ случаѣ необходимости доказать существованіе мѣстнаго обычая.

III.

Признавая несомнѣннымъ фактъ существованія у нашихъ крестьянъ мѣстныхъ обычаевъ, мы признаемъ также за обычнымъ правомъ крестьянъ значеніе вспомогательнаго источника права, а при отсутствіи спеціальнаго закона, призваннаго регулировать частно-правовыя отношенія крестьянъ, оно является и единственнымъ источникомъ права.

Подчеркиваемые многими недостатки нормъ обычного права—неустойчивость и измѣнчивость ихъ—являются въ то-же время преимуществами ихъ предъ закономъ писаннымъ съ его точно формулированными устойчивыми опредѣленіями. Обычай, благодаря своей гибкости, примѣняемости къ новымъ условіямъ жизни, идетъ въ своемъ развитіи рука объ руку съ самой жизнью.

Но возникаетъ вопросъ, цѣлесообразно ли въ настоящее время оставлять крестьянъ подъ дѣйствіемъ мѣстныхъ обычаевъ, послѣ того, когда послѣдовали такіе важные законодательные акты, какъ указъ 9 ноября 1906 года и законы 14 іюня 1910 г. и 29 мая 1911 года, измѣнившіе кореннымъ образомъ весь укладъ крестьянской жизни, когда крестьяне стали единоличными собственниками надѣльных земель, когда они перешли отъ господства семейной собственности къ собственности личной.

Не лучше-ли распространить на создавшіяся новыя отношенія дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ, установивъ лишь необходимыя измѣненія, какъ это и предложено совѣщаніемъ мѣстныхъ дѣятелей?

Подходя къ разрѣшенію этого вопроса, необходимо, прежде всего, замѣтить, что общепризнанные недостатки нашего Свода Гражданскихъ законовъ, тома X ч. I, изданнаго въ эпоху крѣпостного права, его устарѣлость, неполнота, излишній формализмъ и казуистичность едва ли говорятъ въ пользу примѣненія его, хотя бы съ нѣкоторыми измѣненіями, къ семейно-наслѣдственно-имущественнымъ отношеніямъ крестьянъ вообще.

Но если нашъ X томъ не пригоденъ для этой цѣли, то не слѣдуетъ-ли спѣшить съ изданіемъ Новаго Гражданскаго Уложенія,

проектъ котораго готовъ и ждетъ введенія его въ дѣйствіе. Проектъ Гражданскаго Уложенія еще менѣе пригоденъ для указанной цѣли.

Мы знаемъ изъ юридической литературы, что по адресу названнаго проекта профессоромъ В. И. Синайскимъ уже сдѣланъ хорошо обоснованный упрекъ въ его ненаціональности, несамобытности, въ заимствованіяхъ изъ германскаго кодекса.

При такихъ недостаткахъ нашего проекта Гражданскаго Уложенія, онъ совершенно не пригоденъ для указанной цѣли. ибо онъ явится совершенно чуждымъ жизни русскаго крестьянства, будетъ стоять въ противорѣчій съ юридическими воззрѣніями народа и можетъ остаться безъ примѣненія.

Выработка же новаго проекта Гражданскаго Уложенія, которое стояло бы, какъ это должно быть, въ тѣсной связи съ народными юридическими воззрѣніями, его обычаями, въ ближайшее время предоставляется задачей не выполнимой, особенно, если принять во вниманіе то крайнее разнообразіе бытовыхъ условій, въ какихъ живутъ наше многомилліонное крестьянское населеніе на обширномъ пространствѣ Великой Россіи.

При томъ же наше крестьянство, какъ выше замѣчено, переживаетъ въ настоящее время переходное состояніе отъ господства общинной и семейной собственности къ господству единоличной собственности, и пока не опредѣлились народныя юридическія воззрѣнія, создавшіяся при новыхъ возникшихъ отношеніяхъ, едва ли представляется своевременнымъ создавать для нихъ законы, регулирующие ихъ семейно-наслѣдственные отношенія, съ совершеннымъ исключеніемъ мѣстныхъ обычаевъ.

IV.

Кромѣ того мы находимъ, что примѣненіе общихъ гражданскихъ законовъ къ наслѣдованію у крестьянъ вообще представляется невозможнымъ по той простой причинѣ, что въ основу общаго закона о наслѣдованіи положено начало родственной, кровной связи членовъ семьи, тогда какъ въ крестьянской средѣ въ вопросахъ о наслѣдованіи рѣшающимъ является трудовое начало, принадлежность наслѣдниковъ къ составу рабочей семьи, къ крестьянскому двору (общ. с. 98 г. № 2). У крестьянъ это начало, во всякомъ случаѣ, преобладаетъ надъ началомъ кровнаго родства. Въ силу этого начала и на основаніи мѣстнаго обычая допускаются къ наслѣдо-

ванію и постороннія лица, принятыя въ семью на правахъ сыновей примаки-пріемыши, усыновленные и рожденные внѣ брака.

По мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ понятіе крестьянскаго двора и рабочей семьи является какъ бы искусственно созданнымъ и пристегнутымъ къ крестьянству прежней практикой Прав. Сената съ начала восьмидесятыхъ годовъ. Но съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться.

Всѣ изслѣдователи обычнаго права крестьянъ (Якушкинъ, Калачовъ, Барыковъ, Оршанскій, Мухинъ, Чубинскій, Ефименко и друг.) признають общность семейнаго имущества у крестьянъ; крестьянское имущество, какъ созданное при содѣйствіи всѣхъ членовъ семьи, составляетъ достояніе всей семьи, двора, а не отдѣльнаго домохозяина.

Такимъ образомъ, очевидно, выработанная Сенатомъ теорія крестьянскаго двора не является искусственно, самопроизвольно созданной, а отвѣчаетъ дѣйствительнымъ условіямъ своеобразнаго положенія крестьянской семьи. Судебная практика Сената основана была на общемъ духѣ и разумѣ Положеній о крестьянахъ и мѣстныхъ обычаяхъ.

Въ руководящемъ рѣшеніи Прав. Сената за 1884 г. № 67, мы читаемъ слѣдующее: „въ крестьянскомъ быту издревле сохранилось семейное начало: семья составляетъ единицу политическую и экономическую; еще до изданія положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. сельскія общества составлялись изъ отдѣльныхъ семействъ, мірская земля распредѣлялась по семействамъ, самое народосчисленіе велось по семьямъ,—отдѣльными семьями писались ревизскія сказки,—семейство отбывало рекрутскую и другія повинности, дѣти мужского пола составляли нераздѣльную часть семьи отца, хозяйство семьи составляло нераздѣльную принадлежность всего семейства (ст. 35, 79, 165—168 уст. благ. каз. сел.). Въ каждой семьѣ старшій членъ былъ распорядителемъ хозяйства, представителемъ, хозяиномъ семьи, и такъ какъ семья жила въ совокупности въ одномъ дворѣ, въ одномъ домѣ, то нерѣдко и самое семейство именуется дворомъ, а старшій представитель семьи—домохозяиномъ (ст. 167, 113, 115 уст. благ. каз. сел.). Съ изданіемъ пол. 19 февраля 1861 г. законодательство не ввело никакихъ измѣненій во внутреннюю жизнь крестьянскаго сословія, исторически сложившуюся; оно лишь издало правила объ улучшеніи быта крестьянъ, даровавъ имъ

имущественныя и личныя права и не касаясь ихъ бытовой жизни“. То-же—въ рѣшеніяхъ Общ. Собр. 1900 г. № 27 и 1898 г. № 2.

Въ виду такой особенности крестьянскаго семейнаго имущества и самый порядокъ наслѣдованія у крестьянъ не можетъ быть разсматриваемъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается нашимъ писаннымъ Гражд. Закономъ, ибо смертью домохозяина наслѣдство не открывается, происходитъ лишь распаденіе семьи и раздѣлъ (и то не всегда) семейнаго имущества на нѣсколько самостоятельныхъ семей по числу совершеннолѣтнихъ сыновей. Такой порядокъ правъ у крестьянъ и есть наслѣдованіе.

Изъ изложеннаго нами очевидно, что въ виду своеобразнаго положенія семейной собственности у крестьянъ, не должно быть и рѣчи о возможности примѣненія къ наслѣдованію у крестьянъ общихъ, съ другими сословіями, законовъ. Общегражданскій законъ часто стоитъ въ полномъ противорѣчій съ правилами обычнаго права наслѣдованія у крестьянъ. Особенный порядокъ наслѣдованія крестьянъ, различный отъ общаго, признается самимъ закономъ какъ въ отношеніи надѣльныхъ земель (5 п. 1184 ст. т. X ч. I), такъ и въ отношеніи земель, приобрѣтенныхъ крестьянами съ помощью Крест. Позем. Банка (т. XI ч. 2 Уст. Крест. Поз. Банка прил. къ ст. 45 прим.).

Прав. Сенатъ въ своемъ рѣшеніи по Общ. Собранію за 1898 г. № 2 также разъяснилъ, что при отсутствіи условій, необходимыхъ для примѣненія обычая, право наслѣдованія крестьянъ въ надѣльныхъ земляхъ „должно опредѣляться существомъ и свойствомъ правъ, принадлежащихъ крестьянамъ-собственникамъ на ихъ надѣльное имущество“, т. е. не обще-гражданскимъ закономъ, а законами, изложенными въ приложеніи къ т. IX. Св. Зак.

V.

Резюмируя изложенное выше, мы находимъ:

Настоящее правовое положеніе крестьянъ, конечно, не можетъ быть признано нормальнымъ. Вопросъ объ упорядоченіи юридическаго быта крестьянъ въ настоящее время, послѣ изданія новыхъ землеустроительныхъ законовъ, представляется неотложнымъ вопросомъ.

Но совершенно невозможно допустить подчиненіе крестьянъ въ сферахъ семейно-имущественнаго права и права наслѣдствен-

наго дѣйствию общаго закона, какъ это предлагаетъ Кіевское Губ. Совѣщаніе.

Необходимо изданіе особыхъ законовъ, которые регулировали бы указанныя правовыя отношенія крестьянъ; законы эти должны быть согласованы съ народными юридическими воззрѣніями, для чего необходима предварительная кодификація обычнаго крестьянскаго права. На ряду съ такимъ общимъ закономъ слѣдуетъ допустить примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ, по ссылкѣ сторонъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстный обычай не совпадаетъ съ писаннымъ закономъ.

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что наше законодательство въ самое послѣднее время, съ изданіемъ закона 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, не только не ограничило область примѣненія обычая, но даже расширило его, такъ ст. 76 Правилъ о волостномъ судѣ гласитъ: „при разрѣшеніи дѣлъ по наслѣдованію и раздѣламъ крестьянскаго имущества, судъ руководствуется существующими мѣстными обычаями; сими обычаями суду предоставляется руководствоваться и при разрѣшеніи прочихъ гражданскихъ дѣлъ“. И 10¹ ст. Уст. Гражд. Суд.: „Сверхъ случаевъ, когда въ силу самаго закона примѣненіе обычая обязательно, судъ, при постановленіи рѣшенія, можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ законами. Сторона, ссылающаяся въ подтвержденіе своихъ требованій на неизвѣстный суду мѣстный обычай, обязана доказать его существованіе“.

И такъ мы видимъ, что нашъ законодатель, какъ раньше, такъ и теперь, твердо стоитъ на томъ положеніи, что мѣстнымъ юридическимъ обычаямъ долженъ быть открытъ широкій доступъ къ судамъ, призваннымъ разрѣшать споры о наслѣдованіи въ крестьянскомъ имуществѣ.

Такимъ образомъ мы находимъ, что выводы К—скаго Губернскаго Совѣщанія о желательности подчинить наслѣдованіе у крестьянъ дѣйствию общаго закона, съ полнымъ устраненіемъ мѣстныхъ обычаевъ, стоятъ въ полномъ противорѣчій какъ съ взглядами нашего законодателя на этотъ вопросъ, такъ и съ особенностями всего строя семейной и хозяйственной жизни крестьянъ.

Мы съ своей стороны, находили бы возможнымъ на предположенные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ общіе вопросы дать слѣдующій отвѣтъ: наслѣдованіе въ имуществѣ крестьянъ вообще и въ надѣльныхъ земляхъ въ частности должно быть подчинено дѣйствію положительнаго закона, изданнаго на основаніи общихъ нормъ крестьянскаго обычнаго права, съ примѣненіемъ мѣстныхъ обычаевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они стоятъ въ противорѣчій съ закономъ.

М. И. Дугановъ.

